DOI: 10.17976/jpps/2014.03.07

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГОСУДАРСТВА: ПАРАДОКСЫ И АНОМАЛИИ СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

В.А. Гуторов

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления современной интерпретации теорий происхождения государства, возникших в гуманитарных науках на рубеже XX-XXI вв. Автор уделяет большое внимание процессу преодоления в начале XXI в. многообразных исторических мифов и ложных интерпретаций, издавна бывших неизменными спутниками научных теорий эволюции государства в различные эпохи а также новейшим классификациям государств, получившим в последнее время широкое международное признание, прежде всего концепции, представленной в работе Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста "Насилие и социальные порядки". Критические замечания автора направлены не только против постмодернистской классификации государственности (М. ван Кревельд "Расцвет и упадок государства"), но и против некоторых отечественных "ревизионистских тенденций" в исторической и политической науке.

Ключевые слова: государство, политика, насилие, потестарные структуры, вождества, восточный деспотизм, монархия, абсолютизм, демократия, империя.

Рубеж XX-XXI вв. был ознаменован развенчанием многих мифов, издавна бывших неизменными спутниками многообразных теорий происхождения государства и его эволюции в различные исторические эпохи. "...Мысль о том, – отмечал еще в 1950-е годы Ф.А. фон Хайек, – что человек не извлекает уроков из истории, слишком пессимистична... Мало кто станет отрицать, что наши взгляды на благотворность или порочность различных институтов в значительной степени определяются тем, какое, по нашему мнению, воздействие они оказывали в прошлом... В формировании взглядов исторические мифы, вероятно, играли столь же значительную роль, что и исторические факты. И все же надеяться извлечь пользу из прошлого опыта можно только в том случае, если факты, из которых мы выводим свои заключения, будут верны" [Хайек 2012: 7-8].

Процесс формирования ранних государств занимает огромный исторический период, охватывающий несколько тысячелетий. За этот период на Древнем Востоке и европейском континенте сформировались две основные формы государства – древневосточная деспотия и античный полис, в типологическом плане олицетворявшие собой диаметрально противоположные пути исторической эволюции. Современными сравнительными исследованиями вполне однозначно был выявлен следующий весьма знаменательный факт: если возникшая в Греции и Риме полисная государственность была явлением уникальным, древневосточная деспотияможет рассматриваться скорее как универсальная историческая "матрица". Соответствующие государственные формы в разное время, помимо Шумера, Аккада, Индии и Китая, появлялись не только в Европе (минойская цивилизация на Критев период ее расцве-

ГУТОРОВ Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой теории и философии политики факультета политологии СПбГУ. Для связи с автором: gut-50@mail.ru

та в XVI – первой половине XV вв. до н.э. и крито-микенские государства XV-XIII вв. до н.э.), но и в Южной Америке (например, государство инков в XV в. накануне вторжения испанских завоевателей).

В европейской культуре формирование глобальной "мифологии государства" уходит своими корнями именно в дихотомию "Восток–Запад", возникшую вместе с древнегреческим полисом и в наиболее систематическом виде разработанную в политической философии Аристотеля. Согласно его учению, только полис, обладающий такими свойствами как самодостаточность (автаркия) и свобода, может рассматриваться как государство в собственном смысле этого слова. "Варварские государства лишь по названию суть государства, поскольку в них над рабами господствуют рабы. Только свободные эллины по природе обладают физическими и психическими свойствами, относящимися к политической экзистенции. Вследствие этого и при демократии всегда предполагается, что она состоит только из свободных эллинов" [Шмитт 2010: 74-75].

Таким образом, миф о "поголовном рабстве" в деспотиях Востока, в блестящей литературной форме разработанный Ш.Л. де Монтескье и ставший в дальнейшем основой концепции "азиатского способа производства" К. Маркса, был в дальнейшем спроецирован либерально настроенными историками на западноевропейские монархии нового времени, которые стали повсеместно именоваться "абсолютистскими" и "деспотическими".

Опыт тоталитарных диктатур, пережитый европейскими народами в первой половине XX в., и последующее противостояние "либерального Запада" и "авторитарногоВостока" не могли способствовать ревизии весьма устойчивых исторических мифов. Крах коммунистических режимов лишь внешне видоизменил эти мифы, придав им "местный колорит" и предельно актуализировав их содержание и форму. Например, в 1990-е годы в официальной идеологии посткоммунистической России "большевистская диктатура" и Советский Союз как "оплот деспотизма" прочно заняли место, которое когда-то было отведено мифам о "деградации абсолютистской монархии" до 1917 г. и неуклонному росту советской экономики по отношению к "уровню 1913 г.".Вместе с тем кризис "реального социализма" и наступившие довольно быстро разочарование и скепсис западных интеллектуалов в отношении антикоммунистической риторики новых политических элит Центральной и Восточной Европы, ядром которой была так наз. символическая политика, привели в конечном итоге к осознанию того очевидного факта, что в конце XX в. количество исторических мифов превысило все допустимые пределы и стало *серьезным препятствием для объективных научных исследований*.

В определенном смысле симптомом такого понимания стал радикальный пересмотр мифов, связанных с интерпретацией западноевропейских монархий [см. Хеншелл 2003: 204-205; ср. Шапиро 2011: 25]. Тенденции, связанные с последовательным пересмотром "мифа абсолютизма", оказались далеко не единичными. Как это нередко случалось в научных дискуссиях недавнего прошлого, начавшись с удачного в целом дебюта, они довольно быстро охватили многие другие сферы интерпретации теории государства, принимая подчас гипертрофированные формы. Одной из первых "жертв" гипертрофированного подхода стали сначала древние греки и римляне, а затем Византия и многие народы древнего Востока, ретроспективно утратившие (в виртуальном плане,

конечно) свою политическую традицию и государственность. “В отсутствие абстрактного института государства, – утверждает, например, израильский историк М. ван Кревельд, характеризуя византийские и древнекитайские имперские методы управления, – вся структура представляла собой фактически гигантскую систему вымогательства, в рамках которой император вместе со своими слугами, каким бы ни был их точный статус, ‘стригли’ все остальное население... империи и феодальные общества... не знали различия между ‘правительственной властью’ и ‘собственностью’, или, по крайней мере, это различие не было четким... Это означает, что ‘политической’ власти в собственном смысле этого слова не существовало, и, конечно, не было и соответствующего термина” [Кревельд 2006: 37, 64]. Точно также древние греки и римляне, вплотную приблизившись к разделению власти и собственности, оказались неспособными к созданию “абстрактного института государства”. “...Язык, который используют древние историки, ясно дает понять, что ни греки, ни римляне никогда не воспринимали государство как абстрактную сущность, отделенную от его граждан. Там, где мы могли бы сказать ‘государство’, они писали ‘общество’ или ‘народ’; наконец, именно историк Фукидид написал, что ‘город – это люди’, а юрист Цицерон дал определение республике (*respublica*) как ‘собранию людей, живущих по закону’” [там же: 78].

Но, прежде чем попытаться ответить на вопрос, подспудно возникающий в результате интерпретации Кревельдом древних институтов – могут ли историк Фукидид и юрист Цицерон хоть чем-то отличаться от социалиста Фридриха Энгельса, как известно, любившего повторять, что “государство – это группы вооруженных людей с материальными привесками вроде тюрем” – необходимо вернуться к исходной, обозначенной в заглавии проблеме.

Когда возникло государство? Каковы объективные, исторически обусловленные предпосылки его формирования? Согласно общераспространенному мнению, при нынешнем состоянии общественных наук в историческом пространстве возможно только весьма приблизительно выявить определенную исходную точку или рубеж, после которых в процессе политогенеза характерные для дописьменных обществ институты, развивавшиеся на протяжении многих тысячелетий, постепенно приобретают новую форму, обычно именуемую как “раннее государство”. Такой исходной точкой является “неолитическая революция”, происходившая примерно десять тысяч лет назад и создавшая такие важнейшие элементы цивилизации как производительное (ирригационное) сельское хозяйство, урбанизация, письменность и др. Многие специалисты считают, что именно возникновение государства является одним из главных признаков вступления человечества в цивилизационную стадию своего развития. В связи с этим возникает ряд немаловажных проблем и вопросов.

Само понятие “политогенез”, используемое вместо традиционного, более узкого по смыслу понятия “процесс формирования государства”, предполагает, во-первых, глубокую преемственность ранних государств с предшествующими политическими институтами первобытного общества и, во-вторых, что *феномен политики* исторически является более древним по происхождению и многообразным по форме по сравнению с *феноменом государственности*. Находящее широкую поддержку в научном мире представление, которое в послевоенный период было обстоятельно обосновано в фундаментальном труде Кристиана Мейера “Открытие греками политики”, по существу, фиксирует

внимание на том бесспорном историческом факте, что с возникновением демократии в древних Афинах и других греческих полисах одновременно оформляется и феномен *современной* политики, постепенно распространившийся в цивилизованных государствах [Meier 1990; Жижек 2014: 256 и сл.]. Такой подход не может, однако, поколебать принципиальное убеждение в том, что анализ возникших задолго до классической полисной культуры типов политики и государственности в методологическом плане должен вписываться в общенаучные определения, имеющие универсальный характер. Например, М. Оукшотт отмечал: "Политикой я называю деятельность, направленную на выполнение общих установлений группы людей, которых объединил случай или выбор", а Р. Гудин и Х.-Д. Клингеманн считают вполне самодостаточным даже такое определение политики как *"ограниченное применение социальной власти"* [Oakeshott 1962: 112; Политическая...: 33].

Поясняя смысл такого рода кратких универсальных определений, Р. Даль и Б. Стинбрикнер в 6-м издании своей популярной работы "Современный политический анализ" следующим образом комментируют лапидарность собственного определения политики как *"осуществление влияния"* (*"the exercise of influence"*): "Очевидно, что ни общий опыт, ни систематическое исследование не оказывают большой поддержки гипотезе, согласно которой люди, участвующие в политике (т.е. осуществляющие влияние на других, особенно в крупных масштабах), изначально руководствовались заботой об общественном благе. Если кто-либо (i) принимает мнение Аристотеля, что политика по своему внутреннему свойству воплощает стремление к общественному благу и (ii) верит, что такие лидеры как Адольф Гитлер и Иосиф Сталин руководствовались иными целями в сравнении с теми, которые большинство порядочных людей рассматривает как общественное благо, тогда из этого логически следует, что деятельность Гитлера, Сталина и современных диктаторов не является политической. В противоположность этому, при условии, что политика приравнивается к осуществлению влияния, деятельность Гитлера, Сталина и современных диктаторов, сколь бы подлой мы ее не считали, отчетливо вписывается в политическую сферу и как таковая является вполне подходящим объектом для политического анализа, равно как и деятельность современных диктаторски настроенных лидеров, жестоко третирующих (*"who brutalize"*) собственных граждан. Мы признаем, что приравнивание политики к осуществлению влияния делает ее виртуально вездесущей в человеческих отношениях" [Dahl, Stinebrickner 2010: 25-26].

Даже если признать, что именно "вездесущность" является главным отличием современной политики от ее проявлений в первобытную эпоху и на заре человеческой цивилизации, это не лишает политику изначально присущих ей универсальных свойств, тем более, что в громадном историческом континууме, образовавшемся начиная с эпохи неолитической революции, "брутальные личности" с диктаторскими наклонностями появлялись гораздо чаще индивидов, стремящихся к общественному благу.

Аналогичным образом адекватное понимание природы ранних государств существенно затрудняется, если имеющиеся в научной литературе определения их особенностей будут противоречить универсальным определениям. В настоящее время опасность возникновения противоречий такого рода стала представляться почти минимальной после выхода в свет ряда современ-

ных научных трудов, особенно работы Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста "Насилие и социальные порядки", сформулировавших достаточно четкие методологические принципы соответствия универсальных и специфических в историческом плане определений, связанных с интерпретацией государственности. Фундаментальная для понимания природы государства на любой стадии его эволюции проблема насилия рассматривается американскими учеными "в рамках концепции институтов и организаций" [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011: 58]. "*Институты* – это 'правила игры'... структура взаимодействия, которая управляет и ограничивает отношения индивидов. Институты включают формальные правила, писаные законы, формальные социальные соглашения, неформальные нормы поведения, а также разделяемые убеждения о мире и средства принуждения к исполнению этих правил и норм... Одни и те же институты приводят к разным результатам" [там же: 58-59]. "В отличие от институтов, *организации* состоят из определенных групп индивидов, преследующих сочетание общих и индивидуальных целей при помощи частичной координации поведения. Организации координируют действия своих членов, и потому действия организации являются чем-то большим, чем просто сумма действий индивидов. Поскольку они преследуют общую цель в организации и поскольку организации обычно состоят из индивидов, которые неоднократно имеют дело друг с другом, у членов большинства организаций развиваются общие убеждения о поведении других членов и о нормах или правилах их организации. В результате большинство организаций имеют свою собственную институциональную структуру: правила, нормы и общие убеждения, определяющие способ поведения людей внутри организации... Чем больше размер общества, тем больший набор лиц, обеспечивающих соблюдение правил, необходимо так или иначе организовать. Теоретически отсюда можно сделать два вывода: государство может рассматриваться в качестве единственного актора или как организация организаций" [там же: 60-61].

Соответственно, теория государства "должна включать в себя теорию политики и теорию правительства": "теория политики должна объяснять распределение и использование власти, насилия и принуждения внутри общества; теория правления должна объяснить как структуру правительственного аппарата, так и поведение чиновников и иных служащих государства" [там же: 443].

Поскольку исторический опыт свидетельствует о том, что власть, насилие и принуждение возникают уже в эпохи, предшествовавшие формированию ранних государств, можно предположить, что их распределение и использование так или иначе должно было соотноситься с *догосударственными* структурами социального регулирования. Исходя из аналогичных предпосылок, Р. Даль и Б. Стинбрикнер в упомянутой выше работе характеризуют *правительство* (*the government*) как "совокупность ведомств (*collection of offices*) в политической системе". Сами же "ведомства" представляют собой объединение "ролей", "играемых лицами, которые создают, интерпретируют и проводят в жизнь правила, связывающие членов политической системы" [Dahl, Stinebrickner 2010: 29]. "Принимая некоторые пояснения Макса Вебера и основываясь до определенной степени на том, что говорил Аристотель, мы можем утверждать, что правительством является любое правление, которое *успешно поддерживает требование на исключительное регулирование легитимного использования физической силы при проведении в жизнь собственных правил на данной терри-*

тории. Соединение постоянных жителей этой территориальной области и ее правительства называется государством" [там же: 31; ср. Тилли 2013: 227].

Представляется, что предлагаемые современными учеными определения иметодология анализа социальных порядков и систем политических отношений позволяет не только выявлять адекватность имеющихся в научной литературе определенийраннего государства и предшествующих ему политических форм, но и попытаться установить, на какой стадии исторического развития социальные отношения (интеракции) приобретают политический характер.

Еще в довоенный период Й. Хейзинга отмечал: "Политика всеми своими корнями глубоко уходит в первобытную почву игравшейся в состязании культуры. Отделиться от нее и возвыситься она может только через этос, который отрицает законность отношения друг–враг и не принимает притязаний собственного народа в качестве высшей нормы" [Хейзинга 1992: 238]. Подчеркивая культурную преемственность в человеческом развитии, классик мировой этнологии Дж. Фрэзер также утверждал, что "основные институты нашего общества по большей части (если не все) уходят корнями в дикое государство и были переданы нам с видоизменениями скорее внешними, чем внутренними" [Frazer 1905: 2-3; ср. Куланж 2010: 10].

Термин "дикое государство" очевидно использовался Фрэзером для того, чтобы выявить преемственность политических норм и институциональных порядков, сложившихся в дописьменный период, с традициями современной государственности. Степень сложности дописьменных институтов была весьма органично охарактеризована К. Леви-Строссом в работе "Структурная антропология". "...В сфере социальной организации, – подчеркивал французский ученый, – эти так наз. первобытные племена создавали поразительно сложные системы: экзогамные 'половины', пересекающиеся со спортивными или церемониальными 'половинами', тайные союзы, мужские объединения и возрастные группы. Подобные структуры обычно встречаются на гораздо более высоких уровнях культуры" [Леви-Стросс 1985: 95].

Специалисты-историки, в частности, отмечают, что уже в ранних примитивных земледельческих общинах появляются личности, которые с успехом претендуют на роль выборных политических лидеров и администраторов. Эта тенденция хорошо прослеживается на примере папуасов Меланезии. В экзогамных, практикующих многоженство, земледельческих общинах папуасов, насчитывавших в среднем 20-40 человек, существовало заметное неравенство между отдельными группами: главы более зажиточных групп, имевшие возможность покупать себе по несколько жен и тем самым преумножать личное богатство, путем щедрой раздачи мяса заколотых животных своим соплеменникам приобретали у них престиж, который делал их "большими людьми" (*биг-мэн* – в описаниях этнографов). "Папуасский биг-мэн, – отмечает Л.С. Васильев, – своего рода кандидат в политические администраторы, в лидеры-старейшины общины, причем право стать им он доказывает в привычных традиционных понятиях реципрокности. Следующий шаг – появление общепризнанного и авторитетного общинного лидера... Они обычно избирались: от личных качеств и компетенции вождя зависело многое, так что мнение должно было быть единодушным. В процессе выборов ведущую роль играли старшие, прежде всего главы семейных групп. Такой была, например, процедура избрания вождей у навахо" [Васильев 1983: 21; см. также Васильев 1991: 58].

Тем не менее, только на следующей ступени выявляются практически все основные политические элементы, которые в дальнейшем будут присущи ранним государствам. Такой ступенью эволюции стали *вождества, чифдом* (от английского *chief* – вождь). Именно в них формируются основные элементы и традиции управления, характерные для ранних деспотических государств Ближнего и Дальнего Востока. Вождества, часто фигурирующие в исторической литературе под другими названиями – "племена с правителями" (М. ван Кревельд),"первичные протогосударства, или простые государства", "племенные протогосударства" (Л.С. Васильев), возникли в самых различных уголках мира. К их числу относятся многие общества Юго-Восточной, Западной и Южной Африки, Юго-Восточной Азии, Полинезии, Гавайских островов и Новой Зеландии. К ним также нередко относят племена, вторгшиеся на Балканы и разрушившие микенскую цивилизацию в период "дорийского завоевания" и так наз. темных веков (между 1000 и 750 гг. до н.э.), германские племена, вторгшиеся в Римскую империю в V-VI вв. н.э., скандинавские племена в X в. н.э. до их обращения в христианство.

Основная масса вождеств представляла собой вторичные образования, отличаясь более сложной структурой по сравнению с первичными (простыми). Первичные вождества возникали не только в глубокой древности (древнейшие номы Египта, шумерские храмовые центры), но и в современных замкнутых анклавах островов Полинезии в виде территориально-кустовой системы иерархически соподчиненных общин во главе с иерархически ранжированными лидерами. В книге М. ван Кревельда представлен список инноваций, привнесенных вождествами в социально-политическую жизнь различных регионов мира. К их числу ван Кревельд относит, прежде всего, введение "нового, революционного принципа правления", не основанного на кровных узах и позволившего сильнейшим из вождей "установить обезличенное управление" и достичь значительного прироста населения, результатом которого стало не только появление разделения труда между производственными группами (земледельцы, пастухи, рыбаки), но и появление "специалистов", непосредственно не связанных с производством, таких как торговцы и жрецы.

Поворотным моментом в политическом управлении являлся отказ представителей высшего класса от физического труда (которым прежде не пренебрегали гомеровский Одиссей и другие цари эпохи Троянской войны). Увеличению могущества вождей и даже превращению их в настоящих монархов (западноафриканский Дагомей и южноафриканский Зулу в XIX в. и др.) способствовало их окружение многочисленными религиозными запретами (табу), за соблюдением которых следили специальные коллегии жрецов. Расширение территории в результате постоянного соперничества между военными лидерами нередко приводило к формированию властной пирамиды, на вершине которой находился верховный вождь, обладавший наследственной властью и опиравшийся на подчиненных региональных вождей-наместников, как правило связанных с ним узами родства.

Вождества стали первыми политическими объединениями, которые ввели ренту, дань и налоги, способствуя тем самым концентрации богатств в руках правящего меньшинства. "Опираясь на силу или угрозу применения силы, вождества были в состоянии ввести иерархию вместо равенства, постоянную власть вместо временного лидерства, обложение вместо получения более или

менее добровольных подношений и правосудие, часто усиленное жестокими наказаниями... Вдобавок к участию вождей и их подчиненных в обычных актах кровной мести, набегах и рейдах, приносящих добычу, вождества принесли такие явления, как завоевания, покорение земель и господство одной группы над другой". Серьезным историческим дефектом вождеств как политических объединений была их недолговечность: соперничество многочисленных кандидатов на престол, постоянно возникавшие после смерти вождей внутренние войны, стремление наместников к отделению и, наконец, угрозы вторжения соседей и завоевателей значительно сокращали временные рамки их существования [Кревельд 2006: 26-33].

Даваемые ван Кревельдом характеристики развития и функционирования вождеств, при всей их неполноте, все же отчетливо свидетельствуют о том, что они содержат в себе все основные элементы, обеспечившие трансформацию некоторых из них в несравненно более сложные политические структуры. Именно поэтому в древности на протяжении длительного исторического периода вождества могли с успехом выступать в качестве постоянных соперников даже самых могущественных государств, включая Рим. Например, галльские и британские племена во главе со своими вождями долгое время сопротивлялись римской агрессии. Окончательно завоевать Галлию удалось только благодаря военному гению Гая Юлия Цезаря, а Британию римляне покорили только в эпоху империи, и то лишь частично. Однако для этого им потребовалось прибегнуть к геноциду и тактике "выжженной земли".

Приведенные выше последние доводы и исторические примеры связаны с особой ситуацией отражения агрессии. Они вовсе не являются подтверждением правомерности гипотезы немецкого социолога Франца Оппенгеймера, стремившегося в начале XX в. доказать, что именно война способствовала формированию вождеств, так сказать, в "массовом порядке" [Oppenheimer 1975]. В современной науке превалирует точка зрения, в соответствии с которой особая, стимулирующая роль войн (особенно завоевательных) начинает проявлять себя уже в период формирования ранних государств.

Как отмечалось выше, обычно считалось, что основной путь формирования раннего государства проходит через расширение или трансформацию вождеств без возникновения каких-либо промежуточных и вариативных государственных форм. Тем не менее, в последние годы некоторыми исследователями такой подход был объявлен "однолинейным" и было высказано предположение о том, что в различные эпохи можно выявить существенное количество безгосударственных обществ, не уступавших ранним государствам в территориальном и демографическом плане, превосходивших многие вождества в отношении социокультурной и политической сложности, но, тем не менее, не перешедших на государственную ступень своего существования (племена эдуев, арвернов и гельветов до Цезаря, Исландия в XI в. н.э. и др.). Например, российский историк Л.Е. Гринин, предлагая называть такие социальные образования *аналогами* раннего государства, открыто подверг сомнению принцип "безальтернативности", исключавший возможность иных путей трансформации "постпримитивных" обществ [Grinin 2007: 90 и сл.]. Насколько основательными являются гипотезы такого рода, судить трудно, поскольку их создатели, фактически, отвергают возможность возникновения разнообразных исторических ситуаций, характеризуемых, например, такими

понятиями как “тупиковый вариант развития”, “перманентная стагнация”, “внешнеполитические влияния” и др. Поскольку даже в чисто статистическом плане путь трансформации догосударственных обществ в ту или иную разновидность раннего государства является магистральным, авторам альтернативных гипотез вряд ли удастся доказать, что на него могли существенно влиять исторические аномалии и другие проявления “девиантного развития”.

На наш взгляд, мало что существенного в научном отношении вносят в общую историческую схему эволюции протогосударственных структур и те отечественные ученые, которые склонны интерпретировать вождества в духе разработанной Ч. Тилли концепции государства как “организации рэкетиров”, контролирующей производство и предоставление услуг, связанных с обеспечением безопасности на подконтрольной им территории [Tilly 1976; Хархордин 2002: 201-202]. “В IX веке, – отмечает, например, В. Волков, – скандинавские военные создали семейное охранное предприятие ‘Рюриковичи & Со’, которое занялось эксплуатацией ресурсов на территории от Волхова до Днепра... На протяжении столетий основными функциями предприятия‘ Рюриковичи & Со’ было принудительное изъятие ресурсов, охрана источников этих ресурсов от других воинственных претендентов...” [Волков 2009: 95]. Такой “политэкономический” взгляд на русскую историю можно вполне рассматривать как своеобразную постмодернистскую реинтерпретацию критических замечаний Л. фон Мизеса в адрес социалистических теоретиков и критиков капитализма XIX в., обосновывавших социалистическую перспективу с помощью ссылки на “тот факт, что институт частной собственности якобы был неизвестен людям на первобытной ступени цивилизации...” [Мизес 2013: 194-195].

Так или иначе, именно вождества впервые весьма наглядно демонстрируют тенденцию, которая в полном объеме проявит себя уже на новой, государственной стадии развития. Эта тенденция была хорошо сформулирована Т. Вебленом в работе “Теория праздного класса”: “...Материальное потребление дает силу стимулу, от которого неизменным образом происходит накопление... Обладание богатством наделяет человека почетом, почет выделяет людей и делает их объектом зависти” [Веблен 1984:76]. Она, в частности, подтверждает и гипотезу Ж. Бодрийяра о трансформации труда в древних обществах, выдвинутую им в работе “К критике политической экономии знака”: “...Дело в том, что сам труд появился в качестве производительной силы лишь тогда, когда социальный порядок (структура привилегий и господства) стал нуждаться в нем для собственного выживания, не имея более возможности подкрепляться только лишь властью, основанной на личных иерархических отношениях. Эксплуатация посредством труда – это вынужденный шаг социального порядка... Иначе говоря, если бы для порядка производства существовало какое-нибудь средство обеспечить выживание индивида в предыдущей форме, то есть форме грубой эксплуатации, никогда никакие потребности не появились бы” [Бодрийяр 2007: 100].

И, наконец, политические и экономические предпосылки, сформировавшие характерный для вождеств потестарный комплекс, делали неизбежными и соответствующий “идеологический сдвиг”, проявившийся в сакрализации власти племенных вождей, в развитии мифа о высшем покровительстве сверхъестественных сил, который по своим структурным параметрам поч-

ти вплотную приближался к "официальной идеологии" практически всех государств древности – от Шумера до императорского Рима, включая элементы патримониального мифа о "государстве как воспитателе" (*Der Staat als Erzieher*), обстоятельно исследованного Эрихом Фроммом еще в начале 1930-х годов [Fromm 1989: 7-10]. Возникает новая ситуация, когда, по выражению П. Бурдье, "официальный представитель группы является ее субститутом" [Бурдье 2005а: 86; см. также Бурдье 2005б]. В дальнейшем, "в целях борьбы за монополию легитимного идеологического производства", вожди, превратившись в полновластных царей, будут опираться на замкнутые корпорации жрецов, представлявших собой своеобразный "корпус специализированных производителей религиозного дискурса и мифов" [Бурдье 2005а: 93]. В этом плане вряд ли можно считать вполне основательной гипотезу Т.А. ван Дейка о сугубо современной природе символической власти, осуществляющей "контроль над публичным дискурсом" и способной "убеждать, соблазнять, внушать или манипулировать людьми", не прибегая к силе [Дейк 2013: 32].

Итак, в древнем мире сформировались типологически различные политические институты и формы государственности, от которых ведут происхождение практически все современные государства. Сравнительный анализ "европейского пути развития", инициированного полисной культурой, с традицией, заложенной ранними азиатскими деспотическими государствами, в наши дни стал находить выражение в разработке разнообразных типологических схем. Цели, поставленные перед собой их создателями, состояли, прежде всего, в попытке выявить внутреннюю историческую логику эволюции государственности во всемирном масштабе, включая как ее истоки, так и перспективы в будущем. Две из них были разработаны на рубеже XX-XXI вв. и поэтому заслуживают особого внимания.

Первая типология, разработанная в упоминавшейся выше книге Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста "Насилие и социальные порядки", вследствие универсального характера и радикализма теоретических построений оказала и продолжает оказывать влияние практически на все современные гуманитарные дисциплины. Американские ученые выделяют две основные модели социальных порядков – *естественное государство* и *общество открытого доступа*, в рамках которых в многообразных обществах в различные исторические эпохи функционируют политические институты, структурирующие отношения людей и их организации в процессе создания политической, экономической, религиозной и военной власти. Обе модели были порождены двумя великими революциями – "неолитической, сельскохозяйственной, урбанистической, или первой экономической" и "второй социальной революцией" – промышленной и современной.

В ходе первой революции произошел переход от *примитивного порядка* малых социальных групп охотников и собирателей к *порядку ограниченного доступа*, или естественному государству, "решившему проблему" насилия путем создания "господствующей коалиции", ограничившей доступ к ценным ресурсам – земле, труду и капиталу и контроль над "такими ценными видами деятельности как торговля, религия и образование, – предоставляя его только элитам". Естественное государство "*естественно*, поскольку на протяжении почти всех последних десяти тысяч лет для общества, состоящего более чем

из нескольких сотен человек, оно фактически стало единственной формой устройства, которое в состоянии обеспечивать материальный порядок и управлять насилием. Естественные государства включают широкое разнообразие обществ, но мы далеки от того, чтобы предположить, что все они одинаковы. Месопотамия III тысячелетия до н.э., Британия при Тюдорах и современная Россия при Путине – естественные государства, но общества в них очень разные" [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011: 40, 82-84].

В современном мире естественное государство *является нормой*, поскольку сегодня 85% его населения живут в порядках ограниченного доступа. Соответственно "лишь 25 стран и 15% населения всего земного шара живут сегодня в обществах открытого доступа". Его отличительными характеристиками являются: 1) признание элитами принципа верховенства права и практическое следование ему; 2) постоянно существующие формы общественных и частных организаций, включая само государство; 3) консолидированный политический контроль над вооруженными силами. Кроме того, в порядках отрытого доступа "большие экономические организации концентрируются прежде всего на рынках и затрагивают политику лишь по касательной", в то время как "в естественных государствах все крупные экономические организации являются политическими" [там же: 55-56, 33, 76, 445].

Хотя при разработке своей типологии Д. Норт, Д. Уоллис и Б. Вайнгаст не упоминают в концептуальном плане ни об одном из своих крупных предшественников за исключением Томаса Гоббса и его концепции "естественного состояния" [там же: 56], трудно отказаться от мысли, что таковые, безусловно, имеются. К ним относится, в первую очередь, Карл Маркс, в работах которого была обстоятельно разработана теория двух общественно-экономических формаций (архаической первичной и вторичной, уже знакомой с социальными антагонизмами), двух структур и двух путей развития: европейского пути с его чередованием структурных модификаций – античной, феодальной, капиталистической, и пути, олицетворяемым Востоком, существенными характеристиками которого являются "поголовное рабство" и полное поглощение личности коллективом, где отсутствие частной собственности – "ключ к восточному небу", где отдельный человек "никогда не становится собственником, а является только владельцем", потому что он "раб того, в ком олицетворено единое начало общины" [Маркс, Энгельс: т. 46, ч. 1, 485, 482; т. 28, 215, 221].

Другим предшественником типологии Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста является, конечно, Карл Поппер, творчески развивший концепцию и понятие "открытого общества", введенного в научный оборот А. Бергсоном для описания социальной организации, противоположной сообществу, "едва вышедшему из лона природы", в котором господствуют примитивные религиозные верования. В отличие от "закрытого общества" со свойственной ему "верой в существование магических табу", в открытом обществе "люди (в значительной степени) научились критически относиться к табу и основывать свои решения на совместном обсуждении и возможностях собственного интеллекта" [Поппер 1992: 251; см. также Гуторов 2012: 5-17]. Как и у американских ученых, у К. Поппера в политическом плане такому типу общественной организации и сознания соответствует современная либеральная демократия.

Вряд ли можно сомневаться в том, что аргументация австрийского философа в немалой степени помогала авторам типологии столь свободно вы-

страивать аргументы, направленные, например, на обоснование теоретически рискованного и идеологичного положения, в соответствии с которым "в истории Запада общества античной Греции, республиканского Рима и городов-государств Северной Италии в эпоху Возрождения стояли на пороге перехода, хотя во всех трех случаях общества открытого доступа созданы не были" [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011: 266]. Напротив, современная Россия, по мнению Б. Вайнгаста, деградирует настолько, что "недавно перешла из разряда зрелых к базисному, или простому" типу естественного государства [там же 2011: 28]. Но вряд ли кому-нибудь из нынешних российских правителей пришло бы в голову держать женщин и детей в лагерях, как это делали цари III династии Ура Ур-Намму и Шульги, которые, как отмечал И.М. Дьяконов, "создали классическое, наиболее типичное древневосточное деспотическое и бюрократическое государство" [Дьяконов 1983: 71; см. также Дьяконов 1990: 8-10]. Или же (если верить королевскому министру Эдмунду Дадли, автору трактата "Древо Сообщества", написанного в 1509-1510 гг.), подобно королю Генриху VII из династии Тюдоров, приказать повесить всех мастиффов в государстве на том основании, что собаки этой породы будут нападать на льва – царя животного мира [Morris 1953: 17].

Наиболее яркой стороной аргументации авторов книги "Насилие и социальные порядки", пожалуй, являются два принципиальных тезиса, которые они постоянно отстаивают. Первый из них включает в себя попытку опровержения разработанной М. Вебером и его многочисленными последователями концепции государства как организации, с успехом претендующей на монополию легитимного насилия в пределах собственной территории [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011: 69; см. также: 82-83, 269-270, 446-447]. По мнению американских ученых, такой монополией обладают только порядки открытого доступа, в то время как в большинстве естественных государств, организованных "на основе сетей патрон-клиентских отношений", где "власть, насилие и принуждение коренятся в господствующей коалиции", "доступ к средствам насилия рассеян среди элиты" и "дисперсия контроля над насилием" является наиболее характерной чертой коалиционной структуры [там же: 269-270, 443].

Однако наибольшего внимания заслуживает не менее реалистичный тезис, отрицающий наличие какого-либо прогресса в динамике эволюции государственности как в прошлом, так и в наши дни (за исключением, конечно, двух прогрессивных революционных сдвигов, в результате которых возникли обе инновационные для своего времени государственные структуры). "Динамика социального порядка, – подчеркивают ученые, – это динамика социальных изменений, а не прогресса... Прогресс от менее сложных структур к более сложным не подразумевает никакой телеологии, так как ничто не толкает общества к созданию более сложных организаций; многие общества движутся как вперед, так и назад" [там же: 55, 447]. Именно по этой причине институты, возникшие на Западе, не могут быть пересажены или даже "напрямую использованы", государствами, находящимися за пределами западного мира [там же: 449].

Но если большинство государств, находящихся за пределами стран "золотого миллиарда", обречены на медленную стагнацию, прозябание или неудачные реформы, то как далеко вперед или назад будет двигаться сам Запад, непременным и нормативным условием существования которого является как

раз “бессрочное существование государства как самой важной организации элиты”? [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011: 268]. На этот вопрос пессимистично настроенные американские ученые дать ответ не решаются, хотя исторический опыт предоставляет для этого немало конкретных фактов и примеров, и к тому же имеется более чем достаточно попыток их теоретической интерпретации. Так, например, опыт внезапной тоталитарной трансформации социальных порядков в Германии в первой половине XX в. дал полное основание французскому философу Клоду Лефору характеризовать европейский тоталитаризм как попытку “снова в фантасмагорической форме восстановить порядок первобытного общества в рамках общества современного” [Caill 1993: 57]. Что касается современных западных демократий, по совершенно справедливому замечанию Джованни Сартори, “неожиданный элемент тотального господства в наше время состоит в том, что оно может быть наложено не только на общества с традиционно деспотическим правлением (такие как Россия и Китай), но также на общества, взращенные христианской, либеральной и либерально-демократической традицией и вышедшие из нее” [Sartori 1987: 194].

Продолжая наблюдение, сделанное Д. Сартори, можно отметить, что в древности многие “общества с традиционно деспотическим правлением” нередко демонстрировали в области религии, культуры и политики такую степень толерантности, которой “общества, взращенные христианской, либеральной и либерально-демократической традицией” достигли только после Второй мировой войны. “Важная особенность древних религий, – отмечает М.А. Дандамаев, – заключалась в том, что они не были догматическими и нетерпимыми по отношению к верованиям других народов... Представители различных народов жили бок о бок, вступали в деловые отношения друг с другом и заключали смешанные браки. Древности было чуждо враждебное отношение к обычаям, традициям и культуре соседних и дальних народов... Для древнего Востока была характерна полная свобода вероисповедания, причиной которой были не политические мотивы, а отсутствие понятия о ложной вере, каких-либо формах ереси... В силу указанных причин древний Восток в отличие от более поздних периодов не знал крестовых походов с целью распространения какой-либо религии” [Дандамаев 1989: 9, 11].

Таким образом, по трудно объяснимому “капризу истории” традиции и культура ряда древневосточных обществ вполне могли бы измеряться в соответствии с критериями функционирования толерантной либеральной политической системы, в то время как, например, фундаментализм американских неоконсерваторов (“неоконов”), развязавших в конце XX в. войну против Ирака, имеет одновекторную направленность с фундаментализмом исламских экстремистов.

В этом смысле характерно, что появившиеся на рубеже XX-XXI вв. различные версии концепции “постдемократии”, если рассматривать их в соответствии с логикой теории Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста, знаменуют перспективу “попятного движения” стран с социальными порядками открытого доступа к различным ступеням естественного государства [см. Крауч 2010: 7-9].

Другая весьма симптоматичная для начала XXI в. типология, разработанная М. ван Кревельдом в работе “Расцвет и упадок государства”, имеет явный

налет постмодерна. Постмодернизм позиции Кревельда выражается, в первую очередь, в том, что: а) за небольшими исключениями он считает возможным игнорировать большинство появившихся в прошлом столетии теоретических разработок, связанных с определением понятия "государство" и характеристикой его многообразных форм; б) отождествляя понятия "государство" и "современное государство", он с огромной легкостью "лишает" государственного статуса практически все политические институты, возникшие и просуществовавшие до XVII в. "Государство... – отмечает Кревельд, – это абстрактная сущность, которую нельзя увидеть, услышать или потрогать. Эта сущность не идентична правителям или подданным... Иными словами, государство, будучи отделено и от его членов, и от его правителей, является корпорацией, так же как *interalia* ими являются университеты, профсоюзы и церкви... Государство, понимаемое таким образом, как и корпорация, частным случаем которой оно является, – это сравнительно недавнее изобретение. На протяжении большей части истории, и особенно доисторического периода, существовали правительства, но не государства... Упрощая и опуская множество промежуточных типов, эти образования можно разделить на следующие классы: 1) племена без правителей; 2) племена с правителями (вождества, *chiefdoms*); 3) города-государства, империи (сильные и слабые)" [Кревельд 2006: 11-12].

Осовременивая таким образом традиционный тысячелетний исторический континуум эволюции государственности, Кревельд, как, впрочем, и его американские коллеги, допускает одно небольшое исключение: республиканский Рим, по его мнению, ближе подошел к тому, "чтобы быть 'государством', нежели остальные пре-современные политические образования" [там же 2006: 74].

Свои типологические построения Кревельд завершает следующими историко-теоретическими соображениями: в Западной Европе, "где государство начало зарождаться около 1300 г. и где решающие изменения произошли между смертью Карла V в 1558 г. и заключением Вестфальского мира 90 лет спустя", небольшое число "абсолютных" монархов "сконцентрировали власть в своих руках". Одновременно "они начали строить обезличенную бюрократию". "Как только бюрократия укрепилась, в силу самой ее природы – состоящей в том, что правила, на которых она строилась, не могут быть произвольно нарушены без риска полного распада – вскоре привела к тому, что она стала забирать власть из рук правителя в свои собственные, тем самым порождая государство в собственном смысле" [там же: 509].

Допускаемая Кревельдом произвольная проекция некоторых элементов веберовской теории "рациональной бюрократии" на исторический процесс формирования государства в Западной Европе имеет два весьма существенных изъяна. Во-первых, в его конструкции понятие "бюрократия" фактически смешивается с понятием "правящий класс". Тем самым игнорируется та общеизвестная истина, что с момента возникновения цивилизации во все времена корпоративный характер был свойствен почти всем элитным группам с неизбежной тенденцией формирования "теневой" или закулисной власти. "Правящий класс, – отмечает В. Парето в работе 'Компендиум по общей социологии', – имеется всегда, даже при деспоте. При абсолютизме высшим носителем власти выступает только суверен; при так называемых демократических формах им оказывается только парламент, но за кулисами

стоят те, кто играют важную роль в реальном управлении. Если порой они и склоняют голову перед прихотями суверенов и парламентами, то потом они вновь возвращаются к своей упорной нескончаемой работе, добиваясь более значительных результатов. В некоторых случаях суверены и парламенты даже не ведают о том, кто и что побудило их к действию. Еще меньше замечает это суверенный народ, который верит, что действует по собственной воле, но следует при этом воле тех, кто руководит им" [Парето 2008: 373; ср. Жувенель 2011: 36-39, 234-235, 240-241].

Во-вторых, феномен "рациональной бюрократии" возник гораздо раньше, чем это представляется Кревельду. Но понять эту также очевидную истину можно только в том случае, если преодолеть предубеждение против традиционного в науке понятия "раннее государство". Тогда легко можно увидеть – какую роль в формировании западноевропейской бюрократии играли, например, формы бюрократической государственности и управления, сложившиеся в древнем Китае. "Несомненная правда то, – писал американский историк Х.Г. Крил в своем фундаментальном труде 'Становление государственной власти в Китае', – что 'современная бюрократия' – явление в некоторых отношениях уникальное, но система управления в Китае уже в давние времена весьма напоминала нашу нынешнюю, что очень нечасто принимается во внимание. В I в. до н.э. в Китае, уже тогда одном из крупнейших государств, когда-либо известных миру, управление осуществлялось централизованной и профессиональной бюрократией, в которой были представлены все слои общества... Уже в I в. до н.э. чиновников в Китае отбирали на должности и повышали по службе, как правило, на основе таких объективных критериев, как государственные экзамены и заслуги. На Западе первый письменный экзамен для претендентов на государственные должности официально состоялся в Берлине в 1693 г., а практика систематической ежегодной аттестации чиновников утвердилась в Британии лишь после Первой мировой войны" [Крил 2001: 15]. Таким образом, возникавшие в древнем Китае, как, впрочем, и в древних Египте, Индии и Месопотамии, государства для своих эпох вполне могли отвечать принципу "состоятельности", вокруг которого в научной литературе уже много десятков лет ведутся весьма оживленные, а иногда напряженные споры [Tylli 1975; Nettle 1968; Fukuyama 2005].

Примечательно, что создатели охарактеризованных выше типологий по разным причинам крайне неопределенно оценивают перспективы и векторы эволюции современных государств: фундаментальный скепсис Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста здесь как бы уравновешивается историческим и методологическим нигилизмом М. ван Кревельда. На наш взгляд, наиболее очевидным подтверждением занимаемой ими "позиции неопределенности" является их отказ принять участие в ведущейся уже многие десятилетия широкомасштабной дискуссии о роли и судьбе империй, на протяжении тысячелетий являвшихся спутником и основным "историческим коррелятом" как ранних государств, так и государств эпохи модерна [Этциони 2004; Хардт, Негри 2006; Ливен 2007; Глабб 2009; Лал 2010; Эткинд 2013; Тилли 2013; Мюллер 2014; Chomski 2013 и др.]. Например, среди других курьезных исторических кульбитов, совершенных израильским историком, обращает на себя внимание последовательное отнесение им имперских институтов к разряду *догосударственных*. Поэтому империи, возникшие в XVIII-XIX вв.

и даже официально носившие это наименование (Россия, Австро-Венгрия, Германский рейх, империя Наполеона и Британская империя), им также попросту игнорируются.

Причины подобной сдержанности и исторического скепсиса в отношении той новой политической конфигурации, в рамках которой происходит тотальное "отступление государства" [Кревельд 2006: 516], вероятно, определяются самой исторической ограниченностью научной методологии, независимо от ее современных трактовок. В эпоху культурного кризиса, порожденного глобализацией, перемещение аналитических прогнозов на философский уровень оказывается почти неизбежным. Не случайно еще десять лет назад Ю. Хабермас отмечал: "Если исходить из того, что эта скептическая установка, безусловно, имеет эмпирические точки опоры в приметах новых дискуссий по проблемам культуры, но не фундирована с точки зрения философии, то модернизированная теория 'большого пространства' оказывается не совсем невероятным контрпроектом по отношению к однополярному мировому порядку гегемониального либерализма" [Хабермас 2008: 187].

Бодрийяр Ж. 2007. *К критике политической экономии знака*. М.: Академический проект. 336 с.

Бурдье П. 2005а. *Социология социального пространства*. СПб.: Издательство "АЛЕТЕЙЯ". 288 с.

Бурдье П. 2005б. *Социальное пространство: поля и практики*.СПб.: Издательство "АЛЕТЕЙЯ". 576 с.

Васильев Л.С. 1983. *Проблемы генезиса китайского государства (формирование основ социальной структуры и политической администрации)*. М.: Наука. 328 с.

Васильев Л.С. 1991. *История Востока. Т. 1.* М.: Высшая школа. 495 с.

Веблен Т. 1984. *Теория праздного класса*. М.: Прогресс. 387 с.

Волков В. 2009. Республика как тип охранного контракта.– *Что какое республиканская традиция: Сб. ст.* (ред. О.В. Хархордин). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, с. 92-102.

Глабб Д.Б. 2009. *Арабская империя*. СПб.: Евразия. 528 с.

Гуторов В.А. 2012. К вопросу об эволюции веберовской концепции социализма в политическом и научном дискурсахXX в. – *ПОЛИТЭКС. Политическая экспертиза,* т. 8, № 1, с. 5-17.

Дандамаев М.А. 1989. Государство, религия и экономика в древней Передней Азии (характерные особенности). – *Государство и социальные структуры на древнем Востоке* (отв. редактор М.А. Дандамаев). М.: Наука, с. 4-16.

Дейк Т.А. ван. 2013. *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ". 344 с.

Дьяконов И.М. 1983. Ранние деспотии в Месопотамии. – *История древнего мира. [Кн. 1.] Ранняя древность. Издание второе, исправленное* (под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой). М.: Наука, с. 73-85.

Дьяконов И.М. 1990. *Люди города Ура*. М.: Наука. 429 с.

Жижек С. 2014. *Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии*. М.: Издательский дом "Дело" РАНХиГС. 528 с.

Жувенель Б. де. 2011. *Власть. Естественная история ее возрастания*. М.: ИРИСЭН, Мысль. 546 с.

Крауч К. 2010. *Постдемократия*. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ. 192 с.

Кревельд М. ван. 2006. *Расцвет и упадок государства*. М.: ИРИСЭН. 544 с.

Крил Х.Г. 2001. *Становление государственной власти в Китае. Империя Западная Чжоу*. СПб.: Евразия. 480 с.

Куланж Н.-Д.Ф. де. 2010. *Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима*. М.: ЗАО Издательство "Центрполиграф". 414 с.

Лал Д. 2010. *Похвала империи: Глобализация и порядок*. М.: Новое издательство. 364 с.

Леви-Стросс К. 1985. *Структурная антропология*. М.: Наука. 536 с.

Ливен Д. 2007. *Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней*. М.: Издательство "Европа". 688 с.

Маркс К., Энгельс Ф. *Соч. 2-е изд.* М.: Государственное издательство политической литературы, 1955-1981 гг.

Мизес Л. фон. 2013. *Теория и история: интерпретация социально-экономической эволюции*. М.; Челябинск: Социум. 366 с.

Мюллер Я.-В. 2014. *Споры о демократии: Политические идеи в Европе XX века*. М.: Издательство Института Гайдара. 398 с.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. 2011. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Издательство института Гайдара. 480 с.

Парето В. 2008. *Компендиум по общей социологии. 2-е издание*. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ. 511 с.

Политическая наука: новые направления (под ред. Р.И. Гудина и Х.-Д. Клингеманна). 1999. М.: Вече. 815 с.

Поппер К. 1992. *Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона*. М.: Феникс, Международный фонд "Культурная инициатива". 448 с.

Тилли Ч. 2013. Как умирают империи. – *Политическая наука*, № 3, с. 216-229.

Хабермас Ю. 2008. *Расколотый Запад*. М.: Издательство "Весь Мир". 192 с.

Хайек Ф. 2012. *Капитализм и историки*. Челябинск: Социум. xii+398 с.

Хардт М., Негри А. 2006. *Множество: война и демократия в эпоху империи*. М: Культурная революция. 559 с.

Хархордин О. 2002.Что такое "государство"? Русский термин в европейском контексте. – *Понятие государства в четырех языках: Сб. ст.* (под ред. О. Хархордина). СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Летний сад, с 152-218.

Хейзинга Й. 1992. *Homoludens. В тени завтрашнего дня*. М.: Прогресс. 464 с.

Хеншелл Н. 2003. *Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени*. СПб.: Алетейя. 271 с.

Шапиро Й. 2011. *Бегство от реальности в гуманитарных науках*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 368 с.

Шмитт К. 2010. *Государство и политическая форма*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 272 с.

Эткинд А. 2013. *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России*. М.: Новое литературное обозрение. 448 с.

Этциони А. 2004. *От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям*. М.: Ладомир. 384 с.

References

Caillé A. Claude Lefort, les Sciences Socialeset la Philosophiepolitique. – *La démocratie à l'oeuvre. Autour de Claude Lefort. Sous la direction de Claude Habib et Claude Mouchard*. Paris: Edition Esprit, 1993, 381 p.

Chomski N. *Power Systems. Conversations with David Barsamian on Global Democratic Uprisings and the New Challenges to U.S. Empire*. L.: Hamish Hamilton, 2013, 211 p.

Dahl R.A., Stinebrickner B. *Modern Political Analysis.* New Dehli: PHI Learning Private Limited, 2010, 172 p.

Frazer J.G. *Lectures on the History of Kingship.* L., N.Y. Macmillan, 1905, 309 p.

Fromm E. Der Staat als Erzieher. Zur Psychologie der Strafjustiz.– *Fromm E. Gesamtausgabe. Band I. Analytische Sozialpsychologie. 1 Auflage.* München: Deutsche Taschenbuch Verlag, 1989, s. 7-10.

Fukuyama F. "Stateness" First. – *Journal of Democracy. Baltimore*, 2005, vol. 16, no. 1, p. 84-88.

The Early State and Its Analogues: A Comparative Analysis (ed. by Grinin L.E.). Volgograd: "Uchitel" Publishing House, 2004, 534 p.

Meier Chr. *The Greek Discovery of Politics.* Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1990, 305 p.

Morris Chr. *Political Thought in England. Tyndale to Hooker.* L.; N.Y.; Toronto: Oxford University Press, 1953, 234 p.

Nettl J.P. The State as a Conceptual Variable. – *World Politics*, 1968, vol. 20, no. 4, p. 559-592.

Oakeshott M. *Rationalism in Politics and Other Essays.* L.: Methuen, 1962, 397 p.

Oppenheimer F. *The State.* N.Y.: Free Life Edition, 1975, 155 p.

Sartori G. *The Theory of Democracy Revisited.* Chatam, New Jersey: Chatam House Publishers, Inc, 1987, 542 p.

Tylli Ch. Reflections on the History of European State-Making. – *The formation of national states in Western Europe* (ed. by Ch. Tilly). Princeton: Princeton university press, 1975, p. 1-242.

Tilly Ch. War Making and State Making as Organized Crime. – *Bringing the State Back In* (ed. by P. Evans, D. Rueschemeyer, T. Skocpol). Cambridge: Cambridge University Press, 1985, p. 169-191.

Baudrillard J. *For a Critique of the Political Economy of the Sign* (Russian version). Moscow: Akademicheskiy proyekt, 2007, 336 p.

Bourdieu P. *Sociologie de l'espace social* (Russian version). St. Petersburg: "Aletheia" Publisher, 2005, 288 p.

Bourdieu P. *L'espace social: le champ et la pratique* (Russian version). St. Petersburg: "Aletheia" Publisher, 2005, 576 p.

Vasilyev L.S. *Problemy genezisa kitayskogo gosudarstva (formirovaniye osnov sotsial'noy struktury i politicheskoy administratsii)* [The Genesis of the Chinese State (Laying the Foundations of the Social Structure and Political Administration]. Moscow: Nauka, 1983, 328 p.

Vasilyev L.S. *Istoriya Vostoka, vol. 1* [History of the Orient, vol. 1]. Moscow: Vysshayashkola, 1991, 495 p.

Veblen T. *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions* (Russian version). Moscow: Progress, 1984, 387 p.

Volkov V. Republic as a Type of Security Contract. – *Chtotakoye respublikanskaya traditsiya: Sbornikstatey* [That Is the Republican Tradition: Collected Papers (ed. by O.V. Kharkhordin)]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg Publ., 2009, 92-102 p.

Glubb J.B. *The Empire of the Arabs* (Russian version). St. Petersburg: Eurasia, 2009, 528 p.

Gutorov V.A. On the Evolution of Weber's Concept of Socialism in the Political and Scientific Discourses of the Twentieth Century. – *POLITEX. Political Expertise Journal*, 2012, vol. 8, no. 1, pp. 5-17. (In Russ.)

Dandamayev M.A. State, Religion and Economics in the Ancient Near East (Characteristics). – *Gosudarstvo I sotsial'nyye struktury na drevnem Vostoke* [The State and Social Structures in the Ancient East (ed. by M.A. Dandamayev]. Moscow: Nauka, 1989, pp. 4-16.

Dijk T.A. Van. *Discourse and Power* (Russian version). Moscow: LIBROKOM Publishers, 2013, 344 p.

Dyakonov I.M. Early despotism in Mesopotamia. – *Istoriya drevnego mira. (kniga pervaya) Rannyaya drevnost'. Izdaniye vtoroye, ispravlennoye* [History of the Ancient World. (Book First). Early Antiquity. 2nd Edition, Corrected (ed. by I.M. Dyakonov)]. Moscow: Nauka, 1983, pp. 73-85.

Dyakonov I.M. *Lyudi goroda Ura* [People of Ur]. Moscow: Nauka, 1990, 429 p.

Žižek S. *The Ticklish Subject: The Absent Centre of Political Ontology* (Russian version). Moscow: Publishing House "Delo" – RANEPA, 2014, 528 p.

Jouvenel B. de. *Du Pouvoir. Histoire naturelle de sacroissance* (Russian version). Moscow: IRISEN, Mysl' Publ., 2011, 546 p.

Crouch C. *Post-Democracy* (Russian version). Moscow: Publishing House National Research University Higher School of Economics, 2003,192 p.

Creveld M. van. *The Rise and Decline of the State* (Russian version). Moscow: IRISEN Publishers, 2006, 544 p.

Creel H.G. The Origins of Statecraft in China: Volume One: The Western Chou Empire (Russian version). St. Petersburg: Eurasia, 2001, 480 p.

Coulanges N.D.F. de. *The Ancient City: A Classic Study of the Religious and Civil Institutions of Ancient Greece and Rome* (Russian version). Moscow: Tsentrpoligraf Publishing Company, 2010, 414 p.

Lal D. *Praise of Empires: Globalization and Order* (Russian version). Moscow: Novoye izdatel'stvo publishing house, 2010, 364 p.

Levi-Strauss C. *Anthropologie Structurale* (Russian version). Moscow: Nauka, 1985, 536 p.

Lieven D. *Empire. The Russian Empire and Its Rivals from the Sixteenth Century to the Present* (Russian version). Moscow: "Europe" Publishers, 2007, 588 p.

Marx K., Engels F. *Collected Works, 2nd edition* (Russian version). Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955-1981.

Mises L. von. *Theory and History: An Interpretation of Social and Economic Evolution* (Russian version). Moscow; Chelyabinsk: Sotsium Publishers, 2013, 367 p.

Muller J.-W. *Contesting Democracy: Political Ideas in Twentieth-Century Europe* (Russian version). Moscow: Gaidar Institute Press, 2014, 398 p.

Nort D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. *Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History* (Russian version). Moscow: Gaidar Institute Press, 2011, 480 p.

Pareto V. *Compendium of General Sociology. Second Edition* (Russian version). Moscow: Publishing House National Research University Higher School of Economics, 2008, 511 p.

A New Handbook of Political Science (ed. by R.E. Goodin and H.-D.Klingemann) (Russian version). Moscow: Veche Publishers, 1999, 815 p.

Popper K.R. *The Open Society And Its Enemies. (Vol. 1).The Spell of Plato* (Russian version). Moscow: Feniks; Mezhdunarodnyy fond "Kul'turnaya initsiativa" Publ. 1992, 448 p.

Tilly Ch. How Empiries End (Russian version). – *Political Science Journal*, 2013, no. 3, pp. 216-229.

Habermas J. *The Divided West* (Russian version). Moscow: Ves Mir Publishers, 2008, 192 p.

Hayek F.A. *Capitalism and the Historians* (Russian version). Chelyabinsk: Sotsium Publishers, 2012, xii+398 p.

Hardt M., Negri A. *Multitude. Warand Democracy in the Age of Empire* (Russian version). Moscow: Cultural Revolution Publisher, 2006, 559 p.

Kharkhordin O. What is a "State"? Russian Term in the European Context. – *Ponyatiye gosudarstva v chetyrekh yazykakh: Sbornik statey* [Concept of the State in Four Languages: Collected papers (ed. by O. Kharkhordin)]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg Publishers; Letniy sad Publishers, 2002, pp. 152-218.

Huizinga J. Homo Ludens. In de Schaduwen Van Morgen (Russian version). Moscow: "PROGRESS – AKADEMIYA" Publishers, 1992, 464 p.

Henshall N. *The Myth of Absolutism. Change and Continuity in Early Modern European Monarchy* (Russian version). St. Petersburg: "Aletheia" Publishers, 2003, 271 p.

Shapiro I. *The Flight From Reality in the Human Sciences* (Russian version). Moscow: Publishing House National Research University Higher School of Economics,2011, 368 p.

Schmitt K. 2010. *The State and the Political Form* (Russian version). Moscow: Publishing House National Research University Higher School of Economics, 2010, 272 p.

Etkind A. *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience* (Russian version). Moscow: New Literary Observer, 2013, 448 p.

Etzioni A. *From Empire to Community: A New Approach to International Relations* (Russian version). Moscow: Ladomir Publishers, 2004, 384 p.

DOI: 10.17976/jpps/2014.03.07

TO THE QUESTION OF THE O RIGIN OF STATE: PARADOXES AND ANOMALIES OF MODERN INTERPRETATIONS

V.A. Gutorov

Abstract. In the article the main trends of the modern interpretation of theories of the origin of state arisen in social sciences on the boundary of XX-XXI centuries are investigated. The author pays a great attention to the process of overcoming of various historical myths and false interpretations in the beginning of XXI century accompanying long since the scientific theories of evolution of state in different epochs. Special attention is paid also to the new classifications of states winning recognition in the modern social science, first of all, the conception represented in the book of Douglass C. North, John J. Wallis and Barry R. Weingast "Violence and Social Orders". Critical notes are directed against both the postmodernist classification of statesmanship in the work of Martin van Creveld "The Rise and Decline of the State" and some domestic 'revisionist tendencies' in history and political science.

Keywords: state, politics, violence, potestarian structures, chiefdoms, oriental despotism, monarchy, absolutism, democracy, empire.

GUTOROV Vladimir Aleksandrovich, Dr. of Sci. (Philos.), Professor, Head of the Department of Theory and Policy, Faculty of Political Philosophy Saint-Petersburg State University, Russia. Email: gut-50@mail.ru